

Валерий Вычуб

Болото

Валерий Семенович Вычуб

Болото

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29798240

SelfPub; 2018

Аннотация

Заросли травой. В землю ушли, в небытие. Они лежат в лесах и болотах Великой Войны. Для них война никогда не кончится. И проклятое болото хранит свою тайну. Содержит нецензурную брань.

Вперёд! За Родину!! За Сталина!!! Ёб твою мать, поднимай взвод!

И пули над головой вжик вжик вжик. Разрывы снарядов то там, то здесь. Сейчас он стрельнёт в спину. Он так двух взводных уже убил.

Вскочил, успел крикнуть Мааааа... Вспышка взрыва, разорвало на куски, ни боли, ни звука, свет и темнота.

Тогда был август Ленинградский фронт, звали меня тогда Изя. Это чтобы яснее, Израиль Лазаревич. Чтоб совсем ясно, нет меня. А здесь и сейчас болото, ещё гаже стало, не болото, трясина. Растут какие-то, грибы, водянистые, хилые. Обабки называются. Студентами ездили за грибами. На взвод и назначили раз высшее образование, иди, командуй, за родину. Чья родина-то, ёб твою мать, чья!? Лягуха села рядом с кочкой, где я лежу. Нормальная дрянь, живая. Умный ты, Изя, говорили. Был бы умный, не убили б.

Не так страшно, как скучно лежать. Зимой совсем туго, под снегом ничего, ничего. Изредка только поскребётся что-то. Наверно поверху заяц проскакал. Или лось по болоту идёт. Мы одного видели, убило снарядом. Распух на жаре, мухи жрали. Мне хорошо, сразу.

Писал стихи в студенческой стенгазете. Тоже о Родине, о Сталине. Ни родины теперь, ни Сталина, сдох, наверное. Сколько зим прошло. А два раза видел на болоте грибно-

ка. Собирали что-то, дурак. Значит, не завоевали нас немцы. Опять нас. Кого это нас? Комсомол. Коммунистический. Союз. Молодёжи. Сколько тут молодежи лежит по болоту? Первое время как-то слышал. Теперь всё больше молчат. Тоже устали, надоело. А брат Зяма убит. Убит почти тогда же, что и я. Я как-то почувствовал. Здесь чувствуешь по-другому. Он, наверное, страшно мучился, словно воздуха не хватало. Может, закопали живьём? Один тут на болоте всё бурчит: правильно вас, жида проклятые, заживо закапывать, из-за вас и немец на нас пошёл. Во взводе день только побыл, смотрят волками. Хлеба нет, жид виноват. Патроны не подвезли, жид виноват. Завтра в бой, поведёт проклятый, ему что, ему велят, всех уложит под пулями. В соседнем взводе, правда взводного хлопнули и русского. Или хохла? Теперь уж не помню. Теперь уж всё чаще забываю. Брат Сёма выжил. Где-то он тоже недалеко воевал. А выжил. Что-то бьётся, живёт совсем недалеко, а не скажешь. Я здесь, навестил бы, хоть взглянул бы. Ну, что травить душу, не душу, души нет. Теперь убедился. Что-то живёт, видит, иногда болит. Сна здесь нет, это точно, это странно. Читал вечный сон, дальше ничего. Сюда бы тебя, дурака датского, принца, забыл как Гамлета или Макбета? Всё гадал, о снах рассуждал. Девушки вспоминаются всё реже, уже и забыл, какие они, девушки. Стихи любят, в стенгазете факультетской печатал стихи. Одной нравились. Сейчас замужем, бабушка уже, внуки есть. Со всем время сбилось, какой год, месяц какой? Но опять лето,

на болоте багульник цветёт. От него голова болит. Странно, никакой головы, кость одна, череп в грязи завяз. А я думаю, голова болит.

– Зубы не болят? – Опять тот, пскопской, ну и соседа еврейский бог послал. Я уже и не верил. Может, если бы верил, не лежал бы здесь. В каком другом месте был? Интересно, где оно, другое место. Отец иногда говаривал, мать только об этом. Стена Плача, увидеть и умереть. Ничего не увидел, а всё равно умер. Скоро лету конец, скоро опять под снег, опять до весны. Где-то урчат трактора, не болота ли осушают? Осушат, выкопают меня и на помойку. Защитник отечества.

– Из-за вас тут лежу! Из-за вас!

– Лежи тихо, блядь пскопская. Сколько лет прошло, а ты всё воняешь. Жив был, вежлив с ними был, на фронт пошел, старался вежливо с ними. Ох, суки русские. Матом с вами, давить вас клопы рабоче-крестьянские. Поздно понял, всё теперь поздно. И всё равно. Здесь мы все равны.

Чваканье. Чваканье. Чваканье. Идёт кто-то. Опять грибник? Нет. Прутом, металлическим прутом, проколол кочку и прямо в голову ткнул. Как больно! Что ты, сука. Всё мины ищешь? Нет тут мин, нет. Ещё мёртвых колоть будет.

– Гы-гы-гы. – От соседа. А этот опять ткнул. И начал землю копать? Вот новости. Чёрный следопыт. Так у них теперь

говорят. Нашего брата, мертвеца, ни во грош не ставят. Собирают по болотам что поценнее. А что у нас ценное? Оружие, только оружие. Ржавые железки, взрывчатка. Поищи, мудила грешный. Подорвешься, сам отвечай. Раскопает, раскопает ведь, подлец. За голову меня возьмёт, от земли отряхнёт. Подымет. Ох, как высоко! Как берёзы вытянулись. Да тогда здесь и не росли. Были сосенки какие-то. Света сколько. "СУВЕНИР", скажет. Спрячет в рюкзак. И повезёт, повезёт меня. Увижу мир, Ленинград мой увижу. Хоть в щёлочку, хоть из рюкзака. Проспект 25 октября. Где я с девушкой гулял. Сколько там простора...

Нет. Не взял. Что-то рядом выкопал, в рюкзак сунул. На меня ноль внимания. Присыпал землёй, дальше шуршит, копает. И ахнуло на болоте, рвануло. Неужели напоролся? Тихо. Слышу болотная вода, растревоженная, течёт, заполняет новую воронку.

– Подорвался! – Мой придурок орёт.

– Что ж, нас здесь больше стало? И молчим, что пскопской, что еврей московский, молчим. Радоваться нечему.

Август на исходе. Клюква уже поспеваает. Где-то орут, перекликаются, женские голоса, вышли на промысел, но мимо идут. Новенький наш, подселенец, сначала всё молчал, молчал. Мы все так молчали, у каждого своё время было, на сколько терпения хватало. Мат-перемат, скулит, Кристи-

ну какую-то поминает. Мы пока своего присутствия не обнаруживаем. А интересно, как они сейчас живут. Пьют что-то и совсем другое. С девчонками, нет у нас так последняя блядь ещё подумает, ещё и откажется. Псковитянин, слышу, сопит, удовольствие для бедных о чужих блядках слушать. Но сколько можно. Ты б, что другое вспомнил.

– Кто? Кто сказал?! Кто тут есть?!

Засыпались. Ну да что нам секретить? Весь день и всю ночь знакомились. Его Сергеем звали. Каждый раз ходил в лес, зарекался в последний раз. С каждым разом, говорит, всё меньше и меньше находят. И эти, официальные следопыты, то тут, то там дорогу переходят. Кого разыщут, у кого медальон в сохранности. Перезахоронят, родным сообщат. Всё честь по чести.

– А ты как, спрашиваю. Если этот самый, медальон найдёшь. Что делаешь? Молчит, не отвечает. Даже псковитянин как-то растерялся. Свой своего, значит, найдёт, обыщет и в канаву. Косточки в канаву, денежки в карман. Гуляет. Что ж, и у нас такие были. Квартиру-то бате дали, после репрессированных она была, квартира. И не откажешься. Вот так.

Болтаем с Сергеем, он тоже евреев ругает, оказывается, успели, Россию американцам продать, разбогатели, Сергея из института попёрли. Кому-то там чего-то не сдал. Еврею, естественно. Пскович ожил, хихикает. Взятку он, Сергей

этот не дал, денег, что ль пожалел. А по-честному сдать, мозгов не хватило. Скучная история. Разочаровал, разочаровал подселенец.

Опять своё вспоминаю. Снялся, помню перед войной. Часы первые купил, так циферблат и выставил, смотрите папа-мама, я уже взрослый. Институт закончил, первую зарплату получил. Причёску новую сделал, городскую, модную. А последнюю открытку послал уже в сорок первом. Как сейчас помню, на открытке собачка, такая шерстистая, язык красный высунула. Сестрёнке Люське послал. Она жива, она сохранила. Но далеко, так далеко. Только и чувствую, что далеко, но где? Этот, Сергей, опять плетёт, что евреи все поразъехались, по Америкам там всяким, в Израиль ушмалляли. Гадят там нам русским издалека. А иные Гусинские там, Ходорковские там, Березовский, какой-то, Абрамович, почему-то главная сволочь. Они в России. Все сволочи, все Россию губят.

Скучно под землёй. Свежей падалью пахнет. Гниёт поодаль новая мертвечина. Наш взвод, успели сфотографироваться, послали тоже домой, получили ли? “Вспомни иногда, чем никогда”. Умерла сразу после войны, много, наверное, вспоминала. Гипертония у ней была. Отец до девяноста дотянул. Вспоминал тоже, наверное, как не вспоминать. Он больше Зяму любил, тот весёлый, ласковый, весь в батю. Мы

ведь немного хохлы, примешалась где-то хохляцкая кровь. Мать на отца ворчала, гой, гой. Несовременная вы, мама. Так и умерла несовременной. Опять трактора гудят. Но теперь уже до весны, до следующего года, не раньше до нас доберутся.

Не ищут, никто этого гробокопателя, мародёра черного, никто его не ищет. Да и разорвало его, наверное, на мелкие клочки. Мина-то противотанковая была. Сам виноват, не лезь.

А у нас кто был виноват? Дружили с Гитлером, дружили. Как можно так было, товарищ Сталин? Кто тебя обманывал? Теперь не спросишь. А он ведь тоже здесь, на том, то есть, на нашем свете. Не здесь в болоте, но чувствую, что есть, есть. Умер. Это надо же, Сталин и умер. Мы думали, бессмертный. А он, как и мы, взял и перекинулся. Сергей сказал, у кремлёвской стены лежит. Сам только не видел, слышал вроде. Ничегошеньки-то он не знает, Сергей этот. Вроде клопа Маяковского, Пьера Присыпкина.

Скоро, скоро осень. Облетят листья, засыплет нас снегом. Тоска, на всю зиму тоска. Сколько нам ещё маяться? Словно как тогда в артобстрел, стоишь под деревом и ждешь, следующим снарядом тебя разорвёт. Знакомого бойца разорвало рядом в клочья, кровь на тебя брызнула. Ты стоишь, всё равно, бежать некуда. Всюду смерть. И такое почему-то равно-

душие. Всё равно. В смерти все равны. Если бы сны, если бы видеть сны. Помолиться бы.

– Пскопской, в боге веруешь? Матом, матом, матом. Сергей хихикает. А ведь крещёный, крестик, сам говорил, в лес шёл, обязательно на шею вешал. Помогает, говорит. Теперь обижен, не помогло.

Светает, ночи сейчас тёмные, хорошо дождей ещё нет, надели за лето, порой полмесяца одни дожди.

А как Сёма к нам свою невесту привозил. Мы тогда в Брянской жили. В тесноте, клопы, тараканы. Она не то чтоб столичная, в Ленинграде тоже училась. Да не в том дело. Русская! Русская невеста! В еврейскую-то семью. Мать, как и вытерпела. Зяма тот ничего, он добрый, подбадривает, улыбается. А мне не понравилась. Да Сёме с ней жить, его дело, пусть сам смотрит. Чтоб потом не пожалел. Не любит она евреев, я это почувствовал. Любовь пройдёт, остынут немного, а это останется, это всегда остаётся. И ох как царапнет, помяются в жизни. Мать у неё из семьи священника, настроит девку, если вместе будут жить. Эх, Сёма, Сёма, как ты там.

Ау! Кричат. Ау! Далеко. Гулко так. Листья на осине краснеть начали. Ещё морозов не было. Ещё хорошо лежать. На душе спокойно. Чего-то ждёшь. Кто бы сказал, чего ждёшь. Когда ничего нет. Когда тебя нет, никого вокруг, не этих же за людей считать. Никого. А лес по листочку, по листочку.

Мне на кочку, желтенький, красный, так через один, желтый, красный, красный, опять желтый.

Ветер слегка пошумел, стих. Шаги такие легкие, незаметные. У нас по болоту только в сапогах, чвакают, тяжело идут. А тут легко, когда, где я такие шаги слышал. Подошла, остановилась. Ягоду сорвала, рядом кустик черники, поздняя, переспелая. Пусть тебе достанется, съешь, губы вычерни, я на тебя полюбуюсь. Я тебя вижу, через землю, через траву. Стоишь под берёзой, о чём-то задумалась. В руках ни корзинки, ни ведёрка, уж не гуляешь ли по нашим болотам? Ох, не гуляй, не гуляй здесь. Здесь у нас смерть лежит, старая ржавая, но злая. За много много лет не остыла ещё, ждёт, чтоб прошел кто неосторожный, зацепил ненароком.

Уходи. Скорей уходи домой. Я тебя вспомню зимой. Всю зиму вспоминать буду. Но уходи. И никогда сюда не приходи.

– Пора, говорит.

– Да, шепчу. Пора, пора. Осень. Тебе, наверное, в школу, или в институт. Вечером на танцы пойдешь.

– Пора, шепчет. Кричит кто-то далеко, высоко-высоко в небе. Птицы уже улетают.

– Пойдём, говорит. Устал здесь лежать?

– Устал. Страшно устал. – Шепчу.

Она руку протягивает, улыбается. Будто угадывает, где я лежу, о чём я думаю. Шелест по болоту, словно голоса чьи-

то, тихие голоса.

– И вы тоже, и вы тоже уйдёте. Пойдём, вставай. И мне словно наяву сон снится, впервые за долгие годы снится сон.

Встаю, поднимаюсь. С нею рядом, у дерева, на желтой траве, стоим, я её за руку беру. Тёплая рука, живая. И кто она уже не спрашиваю. И куда пойдём уже знаю. Пусть так не бывает. Но кто, кто знает, как оно бывает? Когда земля в осеннем золоте начинает уходить вниз, долго светятся внизу деревья и кусты, золотые, не ржавые, золотые болота, пестрые платки редких прохожих. А вон и дорога, мы тогда не дошли до неё, мы тогда все остались там. А она идём, через рощи и луга, идёт к незнакомым деревням, к незнакомому чужому миру.

Ну что ж, не вас я защищал, не вас. А расставаться всё же жаль. Куда-то иду. Не знаю. Ничего знаю. Наверное, примут, наверное, там я буду не чужой.